

Сообщение № 249/2004, Дар против Норвегии

Заявителем является Надим Ахмад Дар, гражданин Пакистана, родившийся 2 января 1961 года и проживающий в Норвегии. Он заявляет, что его депортация в Пакистан, несмотря на просьбу Комитета о принятии временных мер защиты, представляет собой нарушение Норвегией ее обязательства о добросовестном сотрудничестве с Комитетом в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Вербальной нотой от 2 апреля 2004 года Комитет препроводил жалобу государству-участнику вместе с просьбой, в соответствии с пунктом 1 правила 108 Правил процедуры Комитета, не высылать заявителя в Пакистан, пока данная жалоба находится на рассмотрении Комитета. В вербальной ноте указывалось, что такая просьба высказана с учетом информации, содержащейся в представлении заявителя, и что она может быть пересмотрена по просьбе государства-участника в свете информации и замечаний, полученных от государства-участника, и любых последующих комментариев заявителя, если таковые будут сделаны. 1 июня 2004 года государство-участник информировало Комитет о том, что оно не удовлетворит просьбу Комитета. Однако 29 июня 2004 года государство-участник сообщило, что им было принято решение воздержаться от осуществления процедуры высылки заявителя и его семьи в Пакистан, пока суд первой инстанции не рассмотрит это дело.

16 января 2006 года вновь назначенный защитник заявителя информировал Комитет, что 22 сентября 2005 года заявитель был депортирован в Пакистан. 15 февраля 2006 года государство-участник подтвердило факт депортации.

5 апреля 2006 года государство-участник информировало Комитет, что заявителю был выдан вид на жительство сроком на три года. 21 апреля 2006 года адвокат сообщил, что 31 марта 2006 года заявитель вернулся в Норвегию.

Комитет рассмотрел вопрос о том, стало ли возвращение заявителя в Пакистан, несмотря на просьбу Комитета о принятии временных мер защиты, нарушением прав заявителя по статьям 3 или 22 Конвенции. Комитет отмечает, что 2 апреля 2004 года его Специальный докладчик по новым сообщениям направил просьбу о принятии временных мер в целях защиты заявителя. 1 июня 2004 года государство-участник проинформировало Комитет о том,

что оно отклоняет просьбу Комитета. Однако оно никогда не ходатайствовало перед Комитетом об отзыве его просьбы.

Заявитель был выслан 21-22 сентября 2005 года, когда просьба Комитета о принятии временных мер оставалась в силе. Комитет напоминает, что, ратифицировав Конвенцию и добровольно признав компетенцию Комитета в соответствии со статьей 22, государство-участник взяло на себя обязательство добросовестно сотрудничать с Комитетом в деле применения и осуществления в полной мере установленной в этой статье процедуры рассмотрения индивидуальных жалоб. Комитет также отмечает, что Конвенция (статья 18) наделяет его полномочиями устанавливать собственные правила процедуры, которые стали неотъемлемой частью Конвенции в той мере, в какой они ей не противоречат. В данном случае правило 108 правил процедуры конкретно нацелено на то, чтобы объяснить смысл и сферу применения статей 3 и 22 Конвенции, которые в ином случае обеспечивали бы лишь теоретическую защиту просителей убежища, которым угрожает серьезная опасность подвергнуться применению пыток. Не выполнив адресованную ему просьбу о принятии временных мер защиты и не проинформировав Комитет о депортации заявителя, государство-участник нарушило свои обязательства добросовестно сотрудничать с Комитетом, как это предусмотрено в статье 22 Конвенции.

Однако в рассматриваемом случае Комитет отмечает, что государство-участник содействовало безопасному возвращению заявителя в Норвегию 31 марта 2006 года и что вскоре после этого - 5 апреля - государство-участник информировало об этом Комитет. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник выдало заявителю вид на жительство сроком на три года. Поступив таким образом, оно исправило нарушение им обязательств по статье 22 Конвенции.

Ввиду того, что заявитель, который во время своего пребывания в Пакистане пыткам не подвергался, вернулся в государство-участник, где он получил вид на жительство сроком на три года, Комитет считает спорным вопрос о том, представляет ли его депортация в Пакистан нарушение статьи 3.

Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, **Комитет полагает, что депортация заявителя в Пакистан, несмотря на просьбу о принятии временных мер защиты, явилась нарушением статьи 22 Конвенции в течение периода с 22 сентября 2005 года по 31**

марта 2006 года, когда заявитель находился под юрисдикцией Пакистана.

Комитет решил что, в свете вышеизложенного, государство-участник уже исправил это нарушение.

233/2003, Агиза против Швеции

Заявителем является г-н Ахмед Хуссейн Мустафа Камиль Агиза, гражданин Египта, родившийся 8 ноября 1962 года, который во время представления жалобы содержался под стражей в Египте. Он утверждает, что его высылка Швецией в Египет 18 декабря 2001 года явилась нарушением статьи 3 Конвенции. Комитет против пыток, постановил, что имеющиеся в его распоряжении факты свидетельствуют о нарушениях государством-участником статей 3 и 22 Конвенции

(Комитет отмечает, что, сделав заявление по статье 22 Конвенции, государство-участник взяло на себя обязательство предоставить лицам, находящимся под его юрисдикцией, право обращаться с жалобами в Комитет. Полномочия Комитета включают право рекомендовать принятие временных мер, если это необходимо, для приостановки высылки и сохранения в неизменном виде существа рассматриваемого дела до принятия окончательного решения. Для того чтобы осуществление указанного права заявителя являлось реальным, а не иллюзорным, необходимо, чтобы заинтересованное лицо имело достаточный период времени до приведения в исполнение окончательного решения для рассмотрения целесообразности обращения и, в случае положительного ответа, фактического обращения в Комитет согласно положениям статьи 22. Однако в рассматриваемом случае Комитет отмечает, что заявитель был арестован и выслан государством-участником сразу же после принятия правительством решения о высылке, поскольку адвокат заявителя был официально уведомлен о принятом решении лишь на следующий день. Таким образом, заявитель не имел возможности рассмотреть вопрос о целесообразности использования положений статьи 22, не говоря уже о возможности обращения в Комитет. Следовательно, Комитет делает вывод о том, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 22 Конвенции, предусматривающие уважение закрепленного в ней конкретного права лиц на представление сообщений. Из этого следует, что государство-участник нарушило свои обязательства по статье 22 Конвенции, поскольку оно не

представило Комитету соответствующую информацию и не сообщило ему о своих обеспокоенностях для принятия надлежащего процедурного решения.)

- Сотрудники шведского посольства в Каире навещали г-на Агизу для наблюдения за его положением в тюрьме. Было осуществлено 63 таких посещения в тюрьме Тора
- Правительством Швеции предоставило компенсацию заявителю в размере 3 097 920 шведских крон (379 485,20 долл. США), выплачена адвокату жалобщика 27 октября 2008 года в соответствии с условиями соглашения, заключенного между Канцлером юстиции и жалобщиком. Канцлер решил, что, поскольку ответственность отчасти лежит на сотрудниках Шведской полиции безопасности, часть компенсации должна быть выплачена ими (250 000 шведских крон).
- После освобождения заявителя из тюрьмы у него была возможность подать ходатайство о предоставлении ему вида на жительство в Швеции, на основании, что его супруга и шестеро детей находятся в Швеции и являются ее гражданами, а также потому, что он нуждается в медицинском лечении вследствие пыток, которым он подвергся.
- На своей сорок седьмой сессии Комитет, принимая во внимание меры, принятые до настоящего времени государством-участником, постановил завершить диалог по вопросу о последующей деятельности.

60/1996, Халед Бен М'Барек против Туниса

В своих соображениях относительно сообщения № 60/1996 (Халед Бен М'Барек против Туниса) Комитет высказал мнение, что в представленных ему документах не содержится никаких доказательств того, что государство-участник нарушило статьи 11 и 14 Конвенции, но что при этом, на взгляд Комитета, оно не выполнило свои обязательства по статьям 12 и 13 в отношении проведения быстрого и беспристрастного расследования. По мнению Комитета, проведение расследования через 10 месяцев после получения тревожного сигнала о данном деле от зарубежных неправительственных организаций и более чем через два месяца после того, как в докладе Высокого комитета Туниса по правам человека и основным свободам было предложено начать новое расследование, не соответствует требованию, касающемуся сроков расследования. Он высказал также мнение, что расследованию не хватало беспристрастности, поскольку, среди прочего, прокурор Республики, который согласно тунисскому законодательству подотчетен министру юстиции, не опротестовал в апелляционном порядке решение о прекращении дела.

Комитет просил государство-участник провести беспристрастное расследование с целью установления того, совершались ли в данном случае акты пыток.

В 2011 году государство-участник проинформировало Комитет о том, что следственный судья суда первой инстанции Громбалии в соответствии с просьбой прокуратуры от 11 августа 2009 года о продолжении следственных действий ("сбора информации") принял решение созвать группу экспертов в составе трех профессоров-медиков, которые в 1993 году составляли отчет о причинах смерти г-на Фейсала Баракета, чтобы получить от них соответствующее разъяснение с целью принятия решения по вопросу об эксгумации. Выяснилось, что двое из врачей уже умерли. 21 июля 2010 года судья заслушал пояснения третьего врача. Этот врач, в настоящее время возглавляющий отдел судебно-медицинской экспертизы в главном госпитале в Тунисе, настаивал что, учитывая прошедший период времени, для установления причин смерти эксгумация тела была бы бесполезной.

В связи с этим следственный судья не пожелал издавать распоряжение об эксгумации с учетом мнения одного из врачей о том, что она была бы несвоевременной и бесполезной. Это имело следствием вмешательство 13 декабря 2010 года на основании статьи 55 Уголовно-процессуального кодекса Прокурора Республики, который обратился к следственному судье с просьбой

распорядиться об эксгумации. 15 декабря 2010 года следственный судья сообщил об отказе выполнить эту просьбу. 15 декабря 2010 года Прокурор Республики обжаловал это решение в Апелляционном суде Набуля.

3 февраля 2011 года Апелляционный суд Набуля постановил вернуть дело следственному судье с просьбой о производстве эксгумации, которую должна провести группа медицинских экспертов

14 мая 2011 года следственный судья суда первой инстанции Громбалиа прибыл на кладбище города Мензел Бузелфа в сопровождении трех судебно-медицинских экспертов с целью наблюдения за процессом эксгумации тела скончавшегося и его транспортировке в госпиталь им. Шарля Николя в Тунисе для последующего осмотра.

Однако родственники г-на Баракета и их адвокат возражали против транспортировки тела, настаивая на проведении осмотра на месте и на его незамедлительном последующем захоронении. Таким образом, принимая во внимание невозможность транспортировки тела в госпиталь для осмотра, судебно-медицинские эксперты заявили о том, что они не в состоянии осуществить различные технические стадии осмотра и выполнить свою задачу. Государство-участник предоставило копии заключений первого следственного судьи суда первой инстанции Громбалии и заключения, подготовленного тремя судебно-медицинскими экспертами, относительно невозможности проведения необходимых обследований по причине категорического отказа родственников г-на Баракета.

1885/2009, Хорват против Австралии

В деле № 1885/2009 (*Хорват против Австралии*), касающемся неисполнения постановления суда о предоставлении автору компенсации за неправомерные действия полиции, автор утверждала, что государство-участник не обеспечило, чтобы виновные предстали перед уголовным судом, и что ее жалобы, направленные в дисциплинарные органы полиции, оказались безрезультатными. В этой связи Комитет счел, что пункт 3 статьи 2 Пакта не обязывает государства-участники предоставлять какую-либо конкретную форму правовой защиты и что Пакт не предусматривает за отдельными лицами право требовать, чтобы государство обеспечило уголовное преследование третьей стороны. Однако пункт 3 статьи 2 налагает на государства-участники обязательство оперативно, тщательно и эффективно расследовать утверждения о нарушениях с помощью независимых и беспристрастных органов. Кроме того, при принятии решения о том, получила ли жертва нарушения Пакта адекватное возмещение, Комитет может принять во внимание наличие и эффективность не только одного конкретного средства правовой защиты, но и кумулятивный эффект нескольких средств правовой защиты различного характера, например уголовного, гражданского, административного или дисциплинарного. В данном случае дисциплинарные претензии, представленные Департаменту полиции, были отклонены по причине отсутствия доказательств. В этой связи Комитет отметил, что ни автор, ни другие гражданские свидетели не были вызваны для дачи показаний; что автору было отказано в доступе к досье по делу; что не проводилось публичных слушаний; и что после того, как в рамках гражданского процесса было сделано определенное заключение, возможность повторного проведения или возобновления дисциплинарного разбирательства отсутствовала. Ввиду этих недостатков и учитывая характер органа, принимавшего решение, Комитет пришел к выводу о том, что государство-участник не продемонстрировало того, что дисциплинарное разбирательство соответствовало требованиям в отношении эффективного средства правовой защиты, предусмотренным пунктом 3 статьи 2 Пакта. Комитет также отметил, что автор добилась успеха в своем гражданском иске и что национальные судебные органы распорядились выплатить ей компенсацию. Однако ее усилия по обеспечению исполнения окончательного постановления суда не увенчались успехом, и ей пришлось согласиться с условиями окончательного

урегулирования, предусматривающего выплату компенсации в размере, составляющем лишь малую часть от размера компенсации, назначенной ей в суде.

Соответствующие органы в штате Виктория извинились и компенсировали автора. Компенсация была рассчитана с учетом убытков, присуждаемых национальными судами; суммы, которую уже получила автор и обстоятельства дела.

В Законе о полиции штата Виктории также были внесены поправки, и закон теперь гарантирует, что жертвы неправомерных действий полиции компенсируются, обеспечивая при этом чтобы полиция не избежала последствий злоупотребления с служебным положением. Полицейские по-прежнему несут личную ответственность за серьезные и умышленных неправомерных действий. Если жертва не может получить компенсацию от ответственного полицейского, государство должно выплатить компенсацию.

Сообщение № 257/2004 , Керемедчиев против Болгарии

Зимой 2003 года заявитель работал в ресторане в курорте Пампорово, Болгария. Вечером 3 февраля 2003 года он с друзьями пошел в бар. Возвращаясь домой около 6 часов утра на следующий день, он решил подождать в вестибюле гостиницы "Мургавец" до 8 час. 00 мин., когда начинают работать кресельные подъемники, чтобы вернуться к месту проживания в районе пика Снежанка. В вестибюле гостиницы он заснул и проснулся от того, что кто-то пнул его ногой. Неизвестный заявителю человек пытался заставить его покинуть гостиницу. Заявитель объяснил, почему он там находится, и сказал, что пробудет там еще всего лишь час. Вскоре после этого прибыли двое полицейских, которые начали кричать на заявителя, надели на него наручники и потребовали предъявить удостоверение личности. Затем полицейские забрали его из гостиницы; и при этом его "один или два раза" пнули ногой. Заявитель просил полицейских прекратить его бить, но в ответ на это его толкнули, и он упал на землю. Он начал звать на помощь, но ему приказали прекратить кричать; поскольку он не повиновался, его начали бить ногами и дубинкой, после чего он потерял сознание. Он очнулся в патрульной машине в наручниках и кандалах. В машине его снова стали избивать, и один из полицейских якобы попытался его задушить, и в этот момент заявитель вновь потерял сознание. Его вытащили из машины и пригрозили застрелить. Он пришел в сознание в камере Регионального управления полиции в городе Чепеларе; он попросил вызвать врача, который прибыл только через два часа. Заявитель просил снять с него наручники и дать ему какое-нибудь лекарство, однако врач сказал, что пришел только для того, чтобы проверить содержание алкоголя в крови. Позднее заявителю было предъявлено обвинение в хулиганстве, что, по его словам, было вызвано его заявлениями о намерении подать в суд на грубо обращавшихся с ним полицейских. Заявитель утверждает, что обращение, которому он подвергся со стороны полиции и в связи с которым государство-участник не возместило причиненный ему вред, представляет собой нарушение пункта 1 статьи 1; статей 10, 11, 12 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Комитет заключил, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушениях статьи 12 и пункта 1 статьи 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Комитет

обратился к государству-участнику с настоятельным призывом предоставить заявителю эффективное средство правовой защиты, в том числе справедливую и адекватную компенсацию за причиненные страдания, в соответствии с Замечанием общего порядка № 2 Комитета, а также обеспечить медицинскую реабилитацию заявителя и в течение 90 дней со дня препровождения настоящего решения проинформировать Комитет о мерах, принятых в ответ на вышеизложенные мнения.

15 января 2015 года, государство-участник информировало Комитет, что 13 ноября 2014 года, Совет министров Республики Болгарии принял решение о выплате индивидуальной финансовой компенсации истцу в связи с решением комитета в размере 5000 лева.